

ЛЮБОВЬ ПОЗДНЕЙ ОСЕНЬЮ

Рассказ

Сомнительную бутылку чачи он купил у источника. Был самый пик “водопоя”. Мозаичная санаторная публика совершала свое брουνовское кружение вокруг бювета. Все было степенно, циклично и даже с какой-то обрядовой таинственностью. Лишь в местах торговли, вокруг энергичных кавказцев, иногда всплескивал бурлящий водоворот покупательских страстей и примерочных прикидок. Да две охрипшие тетки из конкурирующих фирм по очереди выкрикивали через постоянно отказывающие мегафоны из разных углов о всех прелестях автобусных путешествий по чудеснейшим местам кавказских Минеральных Вод.

Мамалыгин, подыскивая желтые хризантемы, наткнулся на щетинистого деда, у которого на перевернутом ящике вместе с цветами стояло и несколько наполненных бутылок, прозванных в народе “чебурашками”, безобразно заткнутых газетными скрутками.

— Что это?

— Чача, — хрипло донеслось из-под кепки.

Шел мелкий дождь. Мамалыгин подумал, что и в этом году не повезло с погодой, и взял бутылку в руки. Брезгливо вытянул намокшую газетную затычку, понюхал.

— Попробуй, дорогой, — откликнулась кепка. — За пятнадцать отдам.

“По-божески”, — отметил Мамалыгин и сунул деду три пятерки. Прикрыв чачу цветами, он отправился в корпус, размышляя, что приехал недавно и стесняться еще некого.

В дверь постучали. Мамалыгин вздрогнул, но то была не она. Это зашел Юсуф, сосед по комнате.

— Водичку попил, пойду на ужин, — степенно доложил он. — Как договорились, Юра, вернусь в двенадцать.

— Хорошо, хорошо, Юсуф. Спасибо. — А про себя раздраженно: “Сколько можно договариваться, весь день об этом талдычу”.

Но Юсуф не торопился уходить. Вытащил широкий чемодан, положил на кровать, чуть приоткрыв крышку, засунул внутрь руку и долго шелестел там, словно выискивал что-то в сухой листве.

— Вот, Юра, возьми невесте, — и протянул кулечек с вываренными в соли абрикосовыми косточками.

Пощелкал чемоданными замками, постучал дверками шкафа, намереваясь еще что-то сказать, но, наткнувшись на Мамалыгинскую нетерпеливую замкнутость, промолчал и вышел. А Мамалыгин высыпал косточки на стеклянную кувшинную подставку, еще раз окинул взглядом стол и подосадовал за шашлык, уже давно холодный и подернутый стылой свечной пленкой бараньего жира.

Познакомился он с ней вчера утром, когда его посадили, наконец, за столик с его диетой. Она тоже была “поджелудочница”. Очень симпатичная блондинка с карими, пронзительно-живыми глазами. Он еще отметил, что даже если бы она была лицом дурнушка, только из-за этих умных глаз стоило познакомиться. Звали ее Катя. В обед он с ней заговорил и предложил съездить в Кисловодск на электричке.

Горы укрывал морозящий туман, народу и экскурсий в парке было мало, а хвойные деревья влажно блестели, оттеняя желтизну непривычно пустынных терренкуровских дорожек.

Ходила она с удовольствием, напряженно и быстро, и в таком темпе они рывком поднялись к канатной дороге, но та почему-то опять, как и в прошлом году, была на ремонте. Мамалыгина это огорчило. Теперь уже потихоньку они обошли пустынный “Храм воздуха”, забрались на какую-то вершину, и Катя нашла в еще зеленоющей траве какой-то желтенький цветочек.

— Юра, это не эдельвейс? — спросила она.

Цветочек больше походил на клевер, о чем Мамалыгин и сказал.

— Конечно, — согласилась она. — Просто я люблю желтые цветы.

Когда стемнело, они спустились к вокзалу, а потом прошли на проспект к фонтанам. Зашли в кафе и заказали мороженое.

Со сладостно-тоскливым чувством неповторимо-уходящей жизни Мамалыгин смотрел сквозь стекло на радужные стреляющие струи фонтана, на искрящиеся от цветных отблесков волосы красивой, сидевшей с ним женщины, которая говорила, что живет и родилась в Риге, — отец там после войны остался, — что у нее есть муж и дочь, что их улицу переименовали, что муж гуляет, и она ужасно боится СПИДа, что по знаку Зодиака она Скорпион, и зав-

тра у нее день рождения... И когда он предложил отметить этот день у него в комнате, сразу согласилась.

Вошла она без стука: уверенно и упруго внесла себя к нему в комнату, и это было внезапно, и он вновь ощутил приятную счастливость от зыбкой пограничности их отношений.

— С днем рождения! — Он поцеловал руку и несколько придержал ее у своей свежесбритой щеки. Но нет, рука совсем не напряглась, не отдернулась, не заостенела, и он понял: она приняла его игру, они вместе забалансировали над некой, неопределенной пока, возможностью...

— Старый горец сказал, что это чача, — Мамалыгин поднял стакан.

Она понюхала и засмеялась:

— По-моему, это самая обычная Мария Дэмчэнко...

— Что за Мария?

— А была такая... Знаменитый свекловод. — Она еще раз понюхала. — Обычный буряковый. У меня отец хохол, и в этом разобрался... А тебе, Юра, можно?

Мамалыгин помял солнечное сплетение, словно прислушиваясь к своей поджелудочной:

— Я угробил себя на службе и совсем не этим делом.

Они выпили. Мамалыгин передернулся от противности этого пошла и вгрызся сразу в сочно-железистую мякоть хурмы.

— А где твой узбек?

— Ушел в ваш корпус пить чай с земляками. И попросил угостить тебя орешками. — Он быстро расщепил несколько остро-вертикальных косточек, отряхнул пальцы от соляной пудры и плеснул в стаканы еще этой неведомой жидкости.

— Ловко у тебя получается, — улыбнулась она.

— Что именно?

— Ну и то, и это... — Она разжевала орешек. — Вкусно, но горчит... Споить меня хочешь? — в лоб спросила она.

— Да, нам же по семнадцать лет, — ответил Мамалыгин и взял ее за руки. Она подалась к нему. Ее умные глаза подтаяли, острота взгляда расплзлась по повлажневшему зрачку, и, прежде чем Мамалыгин прижал ее к себе, сказала:

— Выключи свет и ложись в постель.

Когда он подошел к выключателю, она, порывшись в сумочке, окликнула:

— И вот возьми, пожалуйста, он импортный... Я, действительно, боюсь. Я сейчас всего боюсь... И не обижайся... — и, протянув ему презерватив, направилась в ванную.

Он услышал над собой ее дыхание, роскошные пахучие волосы

ворохом упали ему на лицо. Он сплел свои пальцы у нее на затылке и потянул ее мягко на себя, ощущая ее ждущие, размякшие губы. И когда его всего обволокло блаженство и он входил в него уже неосознанно, как в первый и последний раз, он с ужасом отметил, лаская ее, исступленно ему отдающуюся, что у нее нет грудей, и она это контролирует сейчас, и ловит его руки, и заводит их себе за голову, шепча ему в грудь давно не слышанные Мамалыгиным чудные и нежные слова...

Когда она вышла из ванной, Мамалыгин лежал еще в постели. Свет она не включила и присела к нему на кровать. Из холла доносился телевизионный хохот: шла очередная серия "Маппет-шоу". Туман, похоже, рассеялся, и в окно были видны тлеющие огни Пятигорской вышки телецентра.

— У тебя с балкона и Эльбрус видно?

— Не знаю... Как приехал, все время плохая погода.

— А у меня северная комната. Ты пригласишь меня, как распогодится?

— Обязательно.

— Вначале одну удалили, — без перехода стала рассказывать она. — А три года назад и вторую. Про мужа я наврала, он меня сразу бросил... А мне еще и сорока нет, — грустно добавила она.

— Он русский? — зачем-то спросил Мамалыгин.

— Да... Несколько лет мужчин не было. На себе крест поставила. Но подруги меня решили вытянуть. Первый раз я в прошлом году поехала в санаторий, в Одессу. Куда путевки достанут. Вот в этом году выпали Минводы... Попробуй, говорят, если будут соблазнять — не отказывайся. Первый раз трудно было... Но я ожила. Тот, который до тебя сидел за нашим столом, даже замуж предлагал.

— Ты и с ним спала? — не выдержал Мамалыгин.

— Нет, он мне не нравился... С другим спала, но он уехал. — Она предупредительно приложила ладонь к его губам. — Ты не обижайся. Мне, может быть, и жить всего ничего осталось. Но я оклемалась, понимаешь... Оклемалась! И дочь моя это увидит, и обрадуется. Мы с ней конфликтуем последнее время. Она подросток, и моя ущербность ее угнетает.

— Отвернись, пожалуйста, — попросил Мамалыгин и стал одеваться — Так у тебя и поджелудочная не болит?

— Нет.

— Тогда давай выпьем.

— Мне сегодня тридцать девять...

— Будь здорова! — он нежно поцеловал ее. — Извини, а вот это что? — и он осторожно притронулся к выпуклостям под свитером.

— Муляжи, что-то вроде самодельных протезов, — и она горько рассмеялась. — А как женщина я тебе ничего?

— Блеск! Одни твои волосы чего стоят... — Он залпом выпил и набил обожженный рот холодным шашлыком с подвявшими кружочками лука. — Ты не против, если от меня будет пахнуть луком?

— Ради бога, ты же мужчина...

Он проводил ее без четверти двенадцать. Перед этим она помыла нехитрую посуду, убралась на столе, прилежно, как солдат-первогодок, заправила постель, и уже у двери сказала:

— Ты меня, Юра, не бросай, пожалуйста. Мне осталось-то пять дней, — и, пряча порозовевшее от любви и чачи счастливое лицо в рассыпчато-желтые хризантемы, шагнула в коридор.

Мамалыгин сразу уснул и не слышал, когда пришел Юсуф. Утром он спал долго. Пить воду не пошел. В свое время не пошел и на завтрак. Долго стоял на балконе, смотрел, как медперсонал, одетый в черные фуфайки поверх белых халатов, собирает опавшие листья. Отсюда, с восьмого этажа, работающие походили на монахов и монашек, прибирающих монастырское подворье. Над большими деревьями и крышей водолечебницы кружились стаи мокрых ворон. В воздухе снова висел морозящий туман и окрестных гор не было видно.

Когда в столовую потянулась на завтрак вторая смена, Мамалыгин спустился тоже, подошел к диетсестре и попросил, чтобы его перевели в эту смену. Так, объяснил он, ему будет удобнее...

